

Во входящем в канон советского кинематографа фильме "Мы из Кронштадта" (1936 г.) присутствует эпизод, ставший мемом в отношении понятия "мобилизация". "Мы пскопские... мы мобилизованные", — говорил там попавший в плен убеляк. Мол, что с нас взять, нас мобилизовали,

подневольные мы... "Мы пскопские, мы пскопские, мы пскопские", — повторял этот персонаж в поворотные моменты разворачивающегося боя. В чём суть этого эпизода? Мобилизация сама по себе окажется провальной, если она не будет осущ

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ МОБИЛИЗАЦИИ: ПЕРЕМЕНА УМА

Мобилизуется человек. Всё остальное — средства мобилизации или её условия. Соответственно, вопрос о мобилизации — это вопрос о человеке. И в этом, сугевом, отношении призыв Александр Андреевича Проханова обратиться к проблеме мобилизации выводит на тему мобилизуемого и немобилизуемого человека.

Мобилизация по своей сути есть преодоление себя. Это очень хорошо понимали в советской педагогике. Если ты хочешь чего-то достигнуть, то должен мобилизоваться. Способность к мобилизации связывалась с волей. Формирование силы воли в системе советского воспитания являлось приоритетной задачей. Волевые победы особенно ценились в спорте. За них давали специальные призы. Знаменитый девиз Юрия Власова "Себя преодолеть!" значил гораздо больше спортивного лозунга.

Можно сказать, что отечественная педагогика была педагогикой мобилизационной. В этом плане она отличалась как от педагогики свободного воспитания (демобилизационной), так и от немецкой интруктивистской педагогики. Развитие требовало напряжения, а напрягаться ребёнок не хотел. Он хотел расслабляться. "Почему, — ставил вопрос Антон Макаренко, — инженеры учат преодолевать сопротивление металлов, а учителей не учат преодолевать сопротивление личности?" И в действительности тому, как преодолевать сопротивление развитию, советская педагогика учила акцентированно. Было усвоено главное: развиваться возможно только при выходе из состояния комфорта. В состоянии комфорта ни человек, ни общество не развиваются. Комфорт — это среда деградации. Мировые империи гибли именно в фазе комфорта, а не в борьбе с трудностями.

Все эти положения педагогической теории переносились на государственность. Да и сама государственность начиналась с того или иного типа личности. Или это был человек, ментально, психологически, а главное — идейно готовый к мобилизации, или это был немобилизуемый индивидуум. И если человек был немобилизуем, то и модель мобилизации в масштабах государства не могла быть принята. Точнее, менялся план. Начинать надо было с исправления человека. В православной традиции это выражалось понятием метанойа — буквально "перемена ума", — вот с неё и надо начинать.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ

Да, сталинская мобилизация — величайший прорыв в истории человечества! Да, прорыв ещё недавно аграрной страны к звёздам! Да, были мобилизации. Но было кого мобилизовывать. Ценности выживания против ценностей самовыражения — так предлагают дифференцировать ценностные ориентиры западные социологи. И в этом разделении есть доля правды, хотя, как и в целом в западном обществоведении, в этом кроется не вся правда. Исторические мобилизации в России опирались, с одной стороны, на менталитет русского крестьянина. Жизнь крестьянина — это же не жизнь офисного человека. Крестьянин живёт именно в логике выживания. Если он не будет мобилизован, придут неизбежно голод и смерть. Летняя страда требовала сверхнапряжения сил всей крестьянской среды, и мобилизация в этом смысле входила в ритмику жизни. Условия зоны негарантированного земледелия превращали мобилизационные установки в базовый компонент русского национального сознания.

С другой стороны, фактором, определяющим способность советского человека к мобилизации, являлось то, что это был человек идеи. Высокоидейными были, безусловно, не все. Но они составляли ядро, и их доля оказывалась достаточной, чтобы задавать режим мобилизации всей системе. Встававшие из окопов и воодушевлявшие своей жертвенностью других представляли именно эту группу.

Можно ли мобилизовать без идеи? Безусловно, примеров такого рода предостаточно. Такая мобилизация основывается на принуждении, страхе. Мобилизуется в этом случае ресурс, а не человек. Её провал неизбежен при первых же трудностях, напряжениях. Мобилизовать раба легче всего. Но мобилизованный раб не станет героем, он будет избегать сверхнапряжения и в конце концов предаст. Советская мобилизация проводилась прежде всего через идею, а уже во вторую и третью очередь — через регламенты и циркуляры.

МОЖНО ЛИ МОБИЛИЗОВАТЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО?

"Братья и сёстры!" — предсталим, что эти слова звучат не в июле 1941 года, а сегодня.

Какова будет реакция на мобилизационный призыв? Пусть этот вопрос останется риторическим.

Можно ли мобилизовать потребительское общество? Можно ли осуществить это при сохранении режима деидеологизации? Можно ли в принципе мобилизовать нынешнюю инфантильную молодёжь и вывести её из пространства виртуальной эмиграции? Можно ли осуществить мобилизацию через культуру шоу, через квесты и развлечения? А осуществима ли вообще мобилизация в системе капитализма? Ответ по всем позициям однозначно отрицательный: нельзя, невозможно. Нельзя осуществить мобилизацию при существующем типе государства, общества и человека. Такой вердикт не означает, что

Сталинская мобилизация была сосредоточена на задаче индустриализации и на создании материальной основы государственного суверенитета. Госплан выполнял функцию штаба мобилизационного развития, определяя приоритеты и направляя ресурсы на достижение поставленных целей. План позволял связать отдельное предприятие с общегосударственной задачей и подчинить хозяйственную деятельность единому замыслу. Культура и образование работали на создание человека нового типа, которого нельзя было ни купить, ни развратить. Идеология строительства социализма создавала образ светлого будущего, ради которого требовалась сверхконцентрация сил в настоящем.

ОТ ГРОЗНОГО ДО СТАЛИНА

Часть первая. Мобилизационное измерение русской истории

КОГДА ОБЩЕСТВО ПЕРЕСТАЁТ БЫТЬ МОБИЛИЗОВАННЫМ

Однако каждая из больших мобилизаций переходила в следующей фазе в демобилизацию, имевшую самые разрушительные исторические последствия. В этом состоит ещё один урок российской истории. Система, созданная для предельного напряжения сил, после ухода мобилизующего импульса начинала работать уже в ином режиме. И когда построенная на мобилизации система демобилизовывалась, рушилось всё, и прежде всего — развращался человек.

После мобилизации Ивана Грозного страна вошла в полосу демобилизации, завершившуюся Смутой. Ослабление государственности сопровождалось борьбой группировок и утратой единого центра легитимности. Пределом падения стала фактическая утрата государственного суверенитета. Выход из Смуты потребовал нового собрания страны.

После Петра I мобилизационные институты хотя и сохранились, однако петровская мобилизационность оказалась утрачена. Дворянство постепенно освобождалось от обязательной службы. Эпоха дворцовых переворотов стала исторически новой демобилизацией России.

После Сталина началась первая волна советской демобилизации, сопряжённая с фигурой Н.С. Хрущёва. Этот процесс тогда осуществлялся в формате децентрализации. Хрущёвская децентрализация подорвала престиж прежнего мобилизационного типа государственного управления. Общество всё больше ориентировалось на материальное благосостояние и повседневность. Эпоха "оттепели" отражала демобилизационный переход советского общества, став началом геополитического отступления.

Перестройка стала второй волной демобилизации и довела этот процесс до логического завершения. Под сомнение были поставлены уже общая цель, историческая миссия и сама необходимость подчинения частных интересов общему проекту. Распад мобилизационного сознания сопровождался распадом государственно-го единства. Демобилизация завершилась исчезновением самого Советского Союза как субъекта исторического действия.

ЗАПРОС НА НОВУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ

Современная Россия вновь подошла к состоянию, при котором запрос на мобилизацию становится делом жизненной необходимости. Условно эту предполагаемую фазу можно назвать путинской мобилизацией. Пока без мобилизации удавалось обходиться. Но нагрузки между тем возрастают.

Главная трудность состоит в том, что новая мобилизация должна осуществляться в системе, сформированной установками демобилизации. В рамках модели, выстроенной на идеологии глобального капиталистического мира и образе человека-индивидуума, осуществить мобилизационный прорыв принципиально невозможно. Она запрограммирована на прямо противоположные задачи. Максимум её возможности — секторальная мобилизация в сегментах, выведенных из общей структуры. Но этого уже сейчас оказывается мало. А потому — смена системы.

На что же её в этом случае следует менять? Сама же высшая государственная власть уже дала на это ответ — Россия есть государство-цивилизация. А коли так, то системе надо менять в соответствии с теми историческими моделями мобилизации, которые всегда в прошлом российской государственности приводили к великим свершениям и прорывам.



ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МОБИЛИЗУЮЩИХ ОРИЕНТИРОВ ЧЕЛОВЕКА

Мобилизация предполагает существование образа желаемого будущего, ради достижения которого человек соглашается изменить обычный порядок собственной жизни. Само напряжение сил целью быть не может. Требуется представление о том, ради чего стоит отказаться от покоя, принять ограничения, терпеть лишения, рисковать существующим положением. История человечества обнаруживает сравнительно ограниченный набор таких предельных ориентиров.

Власть. Абсолютное господство. Одним из наиболее очевидных ориентиров мобилизации является власть, понимаемая в пределе как возможность подчинить своей воле максимально широкое пространство мира. Властное устремление предполагает расширение сферы принятия решений, когда количество обстоятельств, неподконтрольных субъекту, последовательно сокращается. Образ абсолютного правителя возникает уже в древнейших культурах, обнаруживаясь в фигурах царей, императоров и мировых завоевателей. Александр Македонский вошёл в культурную память прежде всего как человек, перед которым открывалась перспектива всемирного господства. Римская имперская идея связывала могущество государства с представлением о власти над ойкуменой. В политической мысли Макиавелли вопрос обретения и удержания власти был превращён в самостоятельную проблему, освободённую от многих традиционных нравственных ограничений. Гоббсовский Левифан давал иной вариант той же предельной конструкции, связывая прекращение внутренней войны с концентрацией суверенной власти. Ницше придал воле к власти уже антропологическое и метафизическое измерения, увидев в ней фундаментальный импульс жизни. Власть способна мобилизовать как отдельного человека, ведущего борьбу за вершину иерархии, так и целые государства, принимающие программу экспансии и мирового господства. Наиболее явно мобилизация под императив господства соотносится с идеологией фашизма. Мобилизующий потенциал этого ориентира чрезвычайно высок, поскольку успех измерим, противник зрим, продвижение к цели постоянно подтверждается расширением пространства контроля. Одновременно властная мобилизация требует непрерывного продолжения, поскольку остановка означает появление предела господства, тогда как абсолютная власть по самой своей логике предела не признаёт. Итогом такой мобилизации рано или поздно станет исторический крах.

Владение. Иметь всё. Другой предельный ориентир связан с владением, с превращением окружающего мира в свою собственность. Вместо "быть" — "иметь", — указывал на сущность этого императива Э. Фромм. Властитель желает распорядиться другими людьми, а собственник стремится присвоить вещи, землю, богатство и иные доступные ему блага. Накопление богатств, приумножение капитала, стремление обладать всем. Миф о царе Мидасе доводит желание присвоения до предела, превращая в золото всё, к чему прикасается человек. Богатство, как показывают мифы всех народов мира, убивало человека, лишало его счастья. Становление капиталистического хозяйства создало исторически новую систему, при которой накопление получило институциональный характер и оказалось связано с постоянным расширением экономической деятельности. В современном мире владение давно вышло за рамки обладания материальными вещами, распространяясь на информацию, интеллектуальную собственность, цифровые активы и контроль над технологическими платфор-

мами. Возможность получить больше оказывается сильным стимулом для завоевания новых рынков и экономической экспансии. Это стремление становится императивом деятельности наиболее агрессивных корпораций. Но предельность ориентира одновременно делает достижение окончательного состояния невозможным. Формула "иметь всё" постоянно масштабируется по мере расширения доступного человеку мира. Осознание пределов материального и угроза утраты накопленных богатств приводили к трагедии. Итог — "скупой рыцарь" умирает над своим златом.

Свобода. Сбросить всеременения. Свобода становится мобилизующим ориентиром тогда, когда существующее положение воспринимается человеком как система ограничений и зависимостей. Предельный образ свободы состоит в последовательном извлечении от всех обременений. История знает колоссальную мобилизующую силу призыва к освобождению от рабства, чужой власти, сословных ограничений и политического подчинения. Исход из Египта в библейской традиции представляет один из древнейших образов коллективного движения из состояния несвободы к свободе. Восстания рабов античности демонстрировали способность самой идеи освобождения превращать людей, находившихся в заведомо худшем положении, в силу, бросающую вызов государству. Французская революция придала свободе значение универсального политического принципа и сделала её одним из важнейших лозунгов последующей мировой истории. Либеральная идеология расширила понятие свободы до программы антропологического освобождения — в настоящее время это уже не только освобождение от государства, но и от пола, от человеческого. Мобилизующий потенциал свободы особенно высок в ситуации, когда существует конкретный образ угнетателя или конкретная система запретов, от которых предполагается освободиться. Миллионы людей способны переносить тяжёлые испытания, если переживают их как цену выхода из зависимости. Проблема возникает после достижения освобождения, поскольку отрицательно сформулированный ориентир отвечает на вопрос, от чего следует освободиться, но сам по себе ещё не определяет, ради чего полученная свобода будет использована. Итог — мобилизация через свободу приводит к особо радикальным проявлениям демобилизации.

Максимизация потребления. Попробовать всё (или "всё сожрать"). Мощнейшим человеческим ориентиром является достижение состояния изобилия, неограниченности потребления. Сведение этого устремления только к современному обществу потребления исторически неоправданно. Для человека традиционного общества, регулярно сталкивавшегося с угрозой голода, само предоставление о возможности есть достало могло иметь характер утопии. Народная культура создала многочисленные образы страны изобилия, молочных рек, кисельных берегов, скатерти-самобранки и неисчерпаемого пирищества. Западноевропейский фольклор знал страну Кокань, где пищи всегда в достатке, что освобождает человека от тяжёлого труда. Развитие индустриального общества впервые позволило превратить древнюю мечту об изобилии в массовую социальную-экономическую программу. Производство стало ориентиром, превратившись уже на постоянное создание новых потребностей, вследствие чего потребление перестало иметь естественную точку насыщения. В ракурсе максимизации потребления была вульгаризирована коммунистическая идея при Н.С. Хрущёве. На стадии дефицита ориентир на достижение максимума потребления может обладать большой мобилизующей силой. На стадии выхода обществ из состояния балансирования между голодными и избыльными летями

это проявляется очевидно. Но по мере насыщения данный потенциал снижается, и первоначально мобилизующий ориентир превращается в фактор демобилизации. Установка на комфорт при достижении определённых уровней благополучия мобилизации исключает. Мобилизации ради последующей демобилизации прерывается при первых же достигнутых мобилизуемым поколением успехах. И вместо мобилизации начинается развращение, а бывшие герои требуют "хлеба и зрелищ".

Избавление от страданий. Мир без боли. Человек обречён на страдания, и избавление от них может оказаться значимым мотиватором. Освободить человечество от болезней — такая перспектива была и остаётся важным компонентом, побуждающим к преобразованию мира. Буддизм, как известно, превратил проблему страдания в исходный вопрос религиозно-философского осмысления человеческого существования. Освобождение от страдания приобрело в нём значение пути, требующего глубокой перестройки сознания и образа жизни. Античная философия также искала состояние освобождения от мучительных страстей и страхов, связывая мудрость с достижением внутренней невозмутимости. Эпикур особо выделял освобождение от телесной боли и душевной тревоги как условие счастливой жизни. В Новое время борьба со страданием всё в большей степени переносилась из религиозной и философской сферы в область медицины, социальной политики и технологий. Борьба с эпидемиями, голодом, нищетой порождала масштабные государственные и общественные мобилизационные проекты. Современная медицина на фактически содержит в себе утопический горизонт мира, где всё больше разновидностей физического страдания могут быть устранены техническим путём. Непосредственно переживаемая боль или сопереживание боли ("чтобы никто не болел") способны предельно концентрировать человеческие силы на задаче её прекращения. Однако стремление полностью исключить страдание может в определённый момент обратиться против самой мобилизации, поскольку всякое большое усилие предполагает готовность переносить трудности, ограничения и боль. Преодоление боли и страданий — это и есть, по большому счёту, путь мобилизации. Тема страдания как обязательного условия духовного восхождения получила особое развитие в русской мысли.

Катарсис. Предельная полнота эмоционального переживания. Человек может стремиться пережить состояние, радикально превосходящее по своей интенсивности повседневность. Такое состояние определяется как катарсис. Стремление достигнуть катарсиса может мотивировать бунт человека против обыденности ради обретения подлинного себя. В античной эстетике катарсис связывался с очищающим воздействием трагического переживания. Уже сама структура трагедии показывала, что человек способен искать эмоциональную высоту даже через соприкосновение со смертью. Дионисийская традиция давала вариант выхода из обыденного состояния через экстаз, коллективное возбуждение и снятие привычных границ индивидуального существования. Различные религиозные культуры использовали в качестве мобилизующего средства открытие пути достижения состояния мистического восторга, переживание присутствия священного, вхождение в пространство общения с Высшими силами. Выходом из обычного исторического времени, обретением катарсиса может стать участие в революции. И для группы революционеров-катарсиков важна не социальная программа, а само переживание революционного праздника. Эпоха постмодерна не устранила потребность в предельном переживании и создала собственные формы массового экстаза, превратившегося в особую форму социального наркотика. И этот наркотик надо получать снова и снова. Для его получения адепты готовы предельно мобилизоваться. Мобилизатор в этом случае оказывается манипулятором.

Вардан БАГДАСАРЯН

Иллюстрация: фрагмент иконы XVI века «Церковь во-инствующая»